

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСТВО, АПОКАЛИПСИС И МЕТАНОЙЯ: ЛИНГВОМЕНТАЛЬНАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ И ВАРИАНТЫ ВОЗМОЖНОГО БУДУЩЕГО

В. В. Волков

Тверской государственной университет, Тверь, Россия

Констатируется, что лексемы *стчеловечество*, *апокалипсис* и *метанойя* могут рассматриваться как лексико-семантическое микрополе, отображающее секулярные и сакрально-религиозные представления о «конце света» и связанных с ним вариантах трансформации человека и человечества. Эти лексемы в лингвоментальном отношении выступают как семантико-дискурсивные энантиосеманты, противоположные значения которых реализуются в оппозитивных дискурсивных средах, связанных с секулярным и сакрально-религиозным типами языкового сознания.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, филологическая герменевтика, лексико-семантическое поле, постчеловечество, апокалипсис, метанойя, энантиосемия.*

Введение

Существительное *апокалипсис*, с одной стороны, фиксирует архетипические представления о грядущем «конце света», с древнейших времен наличествующие в сакрально-религиозных представлениях человечества, с другой стороны, используется как метафора «грандиозной катастрофы», в результате которой люди с лица земли исчезнут. Второе значение — производное, секулярно-метафорическое — доминирует в самых разных дискурсах: экологическом, политическом, экономическом и др. — и в качестве языкового средства опредмечивания страха всеобщей гибели используется в многовековой традиции «предсказаний» о неминуемом скором конце всего и вся, которые особенно умножились на рубеже тысячелетий. Наряду с активизацией секулярного исходное значение — сакрально-религиозное — в последнее время выходит за пределы церковного и богословского дискурсов в широкую социогуманитарную сферу по мере того, как созревает понимание, что подлинный «конец всего» для человечества придет/приходит не откуда-то извне, но изнутри него самого, в силу внутренних процессов духовной деградации.

Тревожный интерес у специалистов разного профиля вызывают феномены настоящего и/или возможного будущего, ассоциируемые с лексемами *постчеловек/постчеловечество* [1] и смежными с ними многочисленными образованиями с префиксами *пост-* и *транс-*, типа *постгендеризм/трансгендеризм, трансгуманизм, постапокалипсис, постцивилизация* и т. п. Постмодернистская

мифология смерти субъекта/человека в ряде фундаментальных работ современных отечественных философов осмысливается как действительная, а не мифологическая утрата человеком «воли к бытию» [6], как вплотную подступившая угроза прощания с «человеком как традицией» [7], как становление «постчеловеческой персонологии» [17], фундирующей отождествлением человека с машиной, человеческого ума с искусственным «интеллектом» [2], и др. Лингвогерменевтический взгляд на эту опасность позволяет, во-первых, увидеть лексико-семантическую изоморфность секулярного и сакрально-религиозного аспектов тех лингвоментальных образований, которые ассоциируются с лексемами *постчеловечество* и *апокалипсис* (религ. *Апокалипсис* — с заглавной), во-вторых, отметить имеющийся в христианской культуре тот путь выхода из апокалипсической ситуации, который фиксирован в лексеме *метанойя* — букв. «переме́на ума».

Актуальная не только в теоретическом, но и в практическом отношении гипотеза развиваемого подхода в том, что «возвращение» в современные дискурсивные среды «старого» понятия и слова *метанойя* может послужить средством преодоления страха перед будущим, которое, по апостольскому обетованию, несет — через *Апокалипсис* — вовсе не исчезновение, но радикальное обновление, преображение человека — в *нового человека*, не в «обнуляющем» смысле «пост», то есть «после человека» (когда «традиционного», биосоциодуховного человека не будет), а в смысле его духовного перерождения к свету.

Цель данной статьи — лингвогерменевтическая реконструкция энантиосемичных значений и смыслов, репрезентируемых лексемами *постчеловечество*, *апокалипсис* и *метанойя*, которые рассматриваются как целостное лексико-семантическое микрополе, отражающее, с одной стороны, секулярные представления о «конце (нынешнего) человечества», с другой стороны, сакрально-религиозные представления о грядущем перерождении человечества.

Задачи

1) охарактеризовать существо семантико-дискурсивной оппозиции сакрального и секулярного в рамках рассматриваемого лексико-семантического микрополя;

2) основываясь на компонентном анализе сущ. *постчеловечество*, *апокалипсис* и *метанойя*, интерпретировать их семантическую биполярность в контексте антропоцентрической и теоцентрической парадигм социогуманитарного знания;

3) эксплицировать взаимосвязь семантико-дискурсивной энантиосемии рассматриваемых лексем с актуальной социогуманитарной проблемой под (условным) названием «конец (текущей) истории»/«конец (биосоциодуховного) человека».

Постановка проблемы

Теоретическая основа данной работы — различение сакрально-религиозного (христианского) и секулярного состояний сознания, которые отображаются в оппозитивных (лингво)ментальных феноменах и языковых средствах, принадлежащих (преимущественно) сакрально-религиозной и секулярной семантико-дискурсивным сферам. Представления о конце (текущей) человеческой истории, связанном с исчезновением/радикальным преобразованием человека и человечества, поляризуясь по параметру «сакральное — секулярное», находят языковое опредмечивание и в силу этого могут рассматриваться как биполярный (сакрально-секулярный) фрагмент (русского) лингвоментального пространства/языковой картины мира.

Энантиосемия в данной работе трактуется не только и не столько как лексико-семантическое явление — внутрисловная антонимия (типа *вывести* ‘убрать из’ и ‘поставить на’), сколько как семантико-дискурсивный феномен противоположности или резкого контраста по параметру «сакральное — секулярное», в котором отображаются оппозитивные лингвоментальные спосо-

бы миропонимания, соотносящиеся с разными состояниями (языкового) сознания. Пример — сущ. *благодать*. Исконное сакральное значение: «... Божия помощь и защита, даруемые каждому христианину в его повседневной жизни» [14. С. 55]; профанное секулярное: «О чём-либо очень хорошем, доставляющем наслаждение, радость и т. п.» [10. С. 81]. Аналогично *прелесть* ‘очарование, привлекательность’ (секулярное) и *прелесть* ‘заблуждение, обман’ (сакрально-религиозное). Существительные *постчеловечество*, *апокалипсис* и *метанойя*, в отличие от приведенных примеров, явной (языковой) энантиосемии не обнаруживают, — лишь в качестве связной «лексической триады» выявляют энантиосемическую взаимосвязь богословской проблематики *эсхатологии* как «учения о конце» (< др.-гр. *eschaton* ‘край; предел; конец’) и секулярной проблемы «цивилизационного разлома», на котором оказывается современное человечество.

Линия разлома проходит между секуляризмом и сакрально-религиозной традицией, между Западом и остальным миром. Эсхатологическая составляющая современной секулярной картины мира основывается на представлениях о замене человеческого мира Техносом, культуры — алгоритмизованным «мышлением», не имеющим «мировоззренческого смысла» [9. С. 8], человека — «киборгом», «постчеловеком». Телеологические вопросы: зачем разрушать собственно человеческое в человеке, заменять реальные вещи виртуализациями — адептами Техноса, игнорируются. Современная секулярная картина мира — плод «западоцентрического» цивилизационного развития, которое фундируется сциентистской либерально-капиталистической идеологией. Эта модель ныне идет/ведет в секуляристский эсхатологический тупик. Пришло время освободиться от западного «цивилизационного расизма» [22], во власти и в очарованности которым долго пребывала наша страна, осмыслить существо своего пути и, в частности, те представления об эсхатологическом финале, которые коренятся в нашем культурно-историческом христианском фундаменте.

В секулярном дискурсе *апокалипсис* (с маленькой буквы) осмысляется как буквальный «конец человечества», как ситуация, когда «людей больше не будет». Какого *человечества*? Видимо, «европейского» (шире — «западного»), которое по своему европоцентризму мыслит себя как *всё* человечество. Остальных, как

говорится, «не спрашивают». Розанов в вышедших в 1917 году набросках под названием «Апокалипсис нашего времени» писал, по видимости, о частной судьбе, по сути — о своей страхе на пороге перерождения, через смерть старого: «Печаль не в смерти. “Человек умирает не когда он созрел, а когда он доспел”. То есть когда жизненные соки его пришли к состоянию, при котором смерть становится необходима и неизбежна» [13. С. 394]. Ныне апокалипсис как секулярное ожидание «конца» — устойчивый мотив огромного количества текстовых и экранных произведений, условно говоря, «апокалиптического жанра» как тематической разновидности антиутопии.

Особый массовый интерес к теме «конца» специалисты трактуют как «свидетельство патологичности современного общества» [11. С. 93], подлинное (не фантазийно-художественное) содержание апокалипсиса как «конца» ассоциируют с процессами внутреннего перерождения/вырождения, с «концом “человеческого”», его показатели — трансформация базовых ценностей, тотальная бездуховность, переход «к новому человеку, сущностными признаками которого являются безродность, бесполость, обезличенность, функциональность и спецификация» [12. С. 91]. Как видим, «конец “человеческого”» в этой оценке маркируется (1) лексемами с процессуальным значением *переход*, *трансформация*, (2) словосочетанием *новый человек* как обозначением результата «перехода», (3) морфемами отсутствия/отрицания *без-*, *обез-*, намекающими на механизм «перехода» как отказа от сущностных признаков (атрибутов) человека как собственно человека. Эта секулярная апокалипсическая картина по отношению к сакрально-религиозным представлениям об *Апокалипсисе* — профанация (профанирование, профанизация), без пейоративной коннотации лексем типа *профанный*, в буквальном этимологическом смысле (по лат. *profanus* ‘лишенный святости, непосвященный; непросвещенный, темный, нечестивый, кощунственный’ — от *pro...* ‘впереди > вместо’ + *fanum* ‘святня’).

Профанность профанного проясняется лишь в зеркале (исходного) сакрального. Современная секулярная культура — вторична, изначально сакральные ментальные представления и опредмечивающие их лексические значения в ней профанируются, энантиосемически травмируются в представлениях об «исчезновении» человека, его «вырождении» и т. п. Необходима *ме-*

танойя — «возвращение» из приземленно-секулярного состояния сознания в христианское, сакрально-религиозное.

Апокалипсис (с заглавной) и апокалипсис (со строчной)

Всё в этом мире конечно. Когда-нибудь погаснет Солнце, наступит «смерть Вселенной», но задолго до этих событий завершится путь земного человечества. Еще раньше — каждого отдельного человека. Когда и как? Применительно к человечеству эти вопросы связываются со словом *апокалипсис* — в сакральном библейском исходном и в секуляризованном вторичном значениях. Русская калька сущ. *апокалипсис* — *откровение*, по др.-гр. *apokalypsis* ‘открытие, откровение’ — из *apo-* ‘от’ + *kalyptos* ‘покрытый, обвернутый’ (здесь и далее древнегреческие этимологии по [4], но в латинской транслитерации). В Библии *Апокалипсис* (с *A* прописной) — заключительная книга Нового Завета «Откровение апостола Иоанна Богослова», повествующая о будущей судьбе христианского мира, с чаемым финалом после «конца»: «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков» (Откр. 22:5). Во вторичном (десакрализованном, профанном) значении *апокалипсис* (с *a* строчной) — грядущая гибель мира, мировая катастрофа, «конец света», гибель всего и вся.

В богословии дисциплина, изучающая вопрос о «конце времён», — *эсхатология*, из др.-гр. *eschaton* ‘край, окраина; верх, предел; крайность, конец’. Эти семантические этимоны в обобщении ‘край, граница’ составляют основу «околоапокалипсической» проблематики различных секулярных дисциплин, прежде всего философии и футурологии, однако в секулярном дискурсе сакральное энантиосемически профанируется по параметру «частное вместо общего» и, минуя фундаментальную проблему собственно «конца времён», ассоциируется с субъективно предлежащими частными, например: в психологии и психотерапии — депрессивные состояния и «влечение к смерти», в филологии — литературная антиутопийная апокалиптика, филологическая танатология и т. п. Постмодернистские идеи «смерти человека» — это отображение и одновременно пропаганда уже идущего, по выражению В. А. Кутырёва, «самоапокалипсиса человечества», в рамках которого «ценности жизни вытесняются ценностями смерти, суицида. С предваряющим отказом от полов

(ге/й/ндеризмом-феминизмом), сексуальности и рождения, т. е. отказа от продолжения бытия Homo genus. <...> Мир вступает в сумерки человека...» [8. С. 17].

Ярче всего гуманитарная околоапокалипсическая травестия опредмечивается лексемами *трансгуманизм* и *постчеловечество*. Опорная сема 'конец (человека)' в этих лексемах пресуппозитивно прикрыта, выявляется ценой особых усилий. Плодотворность подхода с позиций филологической герменевтики к «проблеме конца» в том, что филология, занимаясь «просто» словами и (любими) текстами, не будучи жестко связанной с частными гуманитарными концепциями, имеет возможность опираться на те фундаментальные представления о «конце», которые заложены в «культурной памяти» отдельных слов и прецедентных текстов, начиная с сущ. *конец*.

Два примера. «Где начало того конца, которым оканчивается начало?» — иронично, но вместе и серьезно вопрошал в середине XIX века «условно-народный» Козьма Прутков [15. С. 109]. Во второй половине XX века истинно народный — и по популярности, и по глубине отображения национального духа — В. С. Высоцкий в стихотворении-песне «Сыновья уходят в бой» (1969) от имени своего персонажа-«маски», погибающего в Великую Отечественную, дал афористически точный ответ: «Разрывы глушили биенье сердец, / Мое же — мне громко стучало, / Что все же конец мой — еще не конец: / Конец — это чье-то начало» [3, т. 2. С. 109].

Маловероятно, что В. С. Высоцкий сознавал: в афористической фразе «Конец — это чье-то начало» оказалось обыгранным этимологическое родство слов *конец* и *начало*, восходящих к общеславянскому корню **kon-/*ken-*, рефлекс которого — с одной стороны, в сущ. *конец*, с другой стороны, в *начало* — от *начать* в исходных смыслах «(вновь) выступать наружу», «появляться» [21, т. 1. С. 563]. Заметим, что эта глубинная «мудрость языка» отчетливо коррелирует и с традиционным представлением о (человеческой) смерти как переходе в «пакыбытие», в «послежизнь», причем без каких-либо метафорических подтекстов, — в буквальном смысле, основывающемся на сакральном прочтении оппозиции «бытие — инобытие» как единства двух форм (целостного) бытия.

В секулярной картине мира другая оппозиция: «бытие — ничто». Наглядно-образно «ничто» перевыразил тургеневский Базаров в пассаже о посмертной судьбе человека, из которого «лопух

расти будет» — и только. Страх перед «ничто» (= смертью), ужас ожидания смерти как ухода в абсолютное небытие побуждает придумывать какое-то технологическое (например, электронное) индивидуальное «бессмертие», искусственное «постчеловечество». Секулярное сознание понимает апокалипсис как безусловный «конец» всего и вся, но эмоционально-эгоцентрически ассоциирует «всё» с конечностью индивидуальной жизни, отождествляя смерть и небытие, не слыша пасхального апостольского восклицания: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15:55). В христианской традиции предначертан Апокалипсис — с заглавной буквы, а значит — «новое небо и новая земля», по пророческому слову: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр. 21:1). Св. Иоанн говорит только: «новое», никак его не раскрывая; осмелимся заметить: это новое творилось/творится не где-то далеко во времени и/или пространстве, — здесь и сейчас, в душах шедших/идущих через метанойю — по пути к святости.

Метанойя: к живому ощущению реального бессмертия

Сравнительно редкое в секулярном дискурсе сущ. *метанойя* используется иногда в психологии и психотерапии для обозначения глубоких личностных изменений в результате раскаяния. Исходные для секулярных христианские смыслы отражают ступени духовного преображения: раскаяние и покаяние, далее очищение, оздоровление души — в вере и надежде — для радостной встречи с Господом и через Него — с бессмертием.

С позиций филологической герменевтики, для «выведения в очевидность» опорных глубинных смыслов (любой) лексемы целесообразно обращение к семантическим этимонам. Др.-гр.: *meta-noia* 'сожаление (о совершившемся) > раскаяние' — из *meta-noeō* 'менять мнение, передумывать > раскаиваться, сожалеть > каяться', от *meta* 'после, за, через' и *noos* 'мысль, ум, разум > душа'. Что при этом понимается под «умом»? Отнюдь не узкосекулярное прочтение «способность мыслить», которое по отношению к сакральному — серьезное (профанное) упрощение, а то, что вкладывается в философский термин *нус* (прямая транслитерация исходного древнегреческого). По определению А. Ф. Лосева, *нус* — «одна из основных категорий античной философии, представляющая собой обобщение всех смысловых, разумных и мыслительных закономерностей,

царящих в космосе и в человеке» [18, т. 4, с. 104]. Следовательно, метанойя — изменение всего (ментального) строя личности.

Метанойя как личностная реальность — «целесообразный» процесс, протекающий во времени. Исходный момент — телеологический импульс, «целевая причина» радикальной личностной перемены, осознаваемая или неосознаваемая устремленность к изменению, к «перемене ума». Лексико-семантическое отображение — метонимический перенос по параметру «действие (импульс → процесс, *метанойя*¹) — результат действия, *метанойя*²», свершившаяся «перемена ума».

Подчеркнём: если нет глубокого, потрясающего всё человеческое существо импульса — нет процесса преобразования (*метанойи*¹) и нет разительной «перемены», *метанойи*². Отсюда референциальные ограничения: не всякое изменение (независимо от его субъективно оцениваемой весомости) можно называть *метанойей*², говорить о появлении существенно нового/радикально обновленного человека. Импульсы к изменениям и сами радикальные изменения разные, совсем не обязательно связанные с сакрально-религиозными состояниями сознания непосредственно и осознанно.

В советские годы часто звучал как лозунг афористический прецедентный текст: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой». Героизм, в живом ощущении, что смерть рядом, но дело не в ней, — особое состояние сознания. Задумаемся: чем питался героизм в годы Великой Отечественной войны? В том числе и живым ощущением собственного бессмертия. Приведем только два свидетельства поэтов-фронтовиков. Арсений Тарковский, выживший после тяжелого ранения, гангрены и ампутации: «На свете смерти нет. / Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо / Бояться смерти ни в семнадцать лет, / Ни в семьдесят. Есть только явь и свет, / Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете» [16. С. 190]. Николай Майоров, погибший, от имени других погибших: «Мы все уставы знаем наизусть. / Что гибель нам? Мы даже смерти выше. / В могилах мы построились в отряд / И ждем приказа нового. И пусть / Не думают, что мертвые не слышат, / Когда о них потомки говорят» [5. С. 193]. В советское время, да и сейчас с секуляристских позиций сказали бы: развернутая метафора. В атеистическом восприятии — да, метафора. Но, как говорят, на войне атеистов нет. Думается, и Николай Майоров мыслил если и метафорически, то лишь

в образной прорисовке ситуации духовного бессмертия, которое — действительное бессмертие, так же как действительна принадлежность христианских святых — Вечности.

Сакрально-религиозная семантика сущ. *метанойя* включает (пресуппозитивный) метонимический перенос ‘перемена ума’ > ‘перемена пути (жизни)’, по слову Христа «Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14:6), как программе духовного восхождения: от открытия Христа (в себе) — к приятию Пути (истинной) жизни, на котором христианская аскеза должна достигать «возведения человека в иной образ бытия», когда человек, проходя определенные ступени, «всецело меняется» [20. С. 191, 220]. Десакрализация сущ. *метанойя* ведет к десемантизации и семантической диффузности, к секулярным прочтениям, связанным с представлениями о любой существенной «перемене ума/мнений/образа мыслей» — без покаяния, без обращения, как, например, в революциях, связанных с массовым изменением сознания.

Постчеловечество и святость

Современную цивилизационную ситуацию в «европо-» и «западоцентрическом» аспекте секулярная гуманитаристика характеризует эссенциально бессодержательным темпоральным маркером «после» (того, что было/есть), для чего конструируется множество новообразований с префиксом *пост-* (*постхристианство*, *поствитализм*, *постгендеризм*, *постгуманизм* и мн. др., даже *постчеловечество* и *постцивилизация*). Считается, что такие слова маркируют особую «новизну» наступившего времени, его кардинальную непохожесть на все, что было раньше. Однако лат. *post* — по-русски *после*, сугубо временной маркер, который де-факто фиксирует, что названное производящим осталось в прошлом, но никак не способствует пониманию, что же пришло/приходит — «вместо» ушедшего/уходящего. Получается, что дериваты на *пост-* отсылают в «семантическую пустоту», в «завершившееся время».

Постчеловечество — новое слово, и сакральные смыслы в нем вроде бы не просматриваются. Однако сам концепт «другого», «нового/обновленного/будущего» человечества существует, причем со времен очень давних.

Трансгуманистические версии «постчеловечества» и возможного (земного) «бессмертия» могут выступать как предмет обсуждения лишь в рамках сугубо секулярного дискурса. В сакрально-религиозном (христианском) контексте это мнимый

«вопрос», поскольку «ответы» давно известны. Во-первых, «постчеловечество» было всегда, сколько существует «обычное» человечество; во-вторых, всё человечество после Апокалипсиса будет преображенным, тем самым бессмертным (лексически энантиосемичным фантазийному секулярному, то есть действительным) постчеловечеством, о котором говорит Откровение апостола Иоанна.

Святая Русь — перифрастическое именование нашей страны, отсылающее к представлениям о том, что, помимо Руси/России «земной», есть и Русь/Россия — Небесная, как Божий замысел о ней. Эта характеристика не привязана к конкретному историческому времени — прошлому, настоящему или будущему, относится к каждому из времен, как надвременная и надпространственная, над-историческая, относится — к Вечности. Право на такое именование в том, что нравственный идеал нашей страны — святость, что огромен собор (как «собрание, множество») всех святых, в земле Российской просиявших. *Святые* — то *действительное* «постчеловечество», которое всегда, веками сопутствовало и сопутствует «обычному» человечеству. Как повествует Библия, на немногих праведниках держится город (Быт. 18:16—33), а значит, и мир. *Реальное* постчеловечество являют лики святых на иконах, о нем говорит и сходство/различие лексем *лицо* и *лик*, которые в лексико-семантическом отношении, вероятно, можно считать паронимами, но в референциальном плане — это два образа: человека и Человека — земного и преображенного. По П. А. Флоренскому («Иконостас»), «Л и ц о есть то, что видим мы при дневном опыте, то, чем являются нам реальности здешнего мира... <...> Лик есть осуществленное в лице подобие Божие» [19. Т. 2. С. 433—434]. В этом контексте «постчеловечество» трансгуманизма — химера секулярного сознания, оторвавшегося от тысячелетних христианских корней цивилизации.

По сакральному пророческому слову, Апокалипсис, понимаемый как конец (современного, земного) человечества — это появление другого, обновленного человечества: «И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет

Богом их» (Откр. 21:3). Появление секулярного неологизма *постчеловечество* обусловлено личностным атеистически-обезбоженным страхом смерти, которая ассоциируется с «ничто» как абсолютной безбытийностью. В сакрально-религиозной повседневности инобытие явлено возможностью личностного общения — еще в пределах земного существования каждого человека — с Богом и Его святыми, с вечностью, в которой нет времени, временности. В этом духовном отношении каждый человек уже принадлежит «постчеловечеству», по бессмертию своей души.

Заключение

Картина мира в своей основе бинарна, строится на антонимических оппозициях (*день* — *ночь*, *жизнь* — *смерть*); предмет данной работы — бинарная семантико-дискурсивная оппозиция «сакральное — секулярное», которая энантиосемически поляризует значения и смыслы лексем *постчеловечество* — *апокалипсис* — *метанойя*, составляющих целостное лексико-семантическое микрополе. Рассмотренные лексемы в совокупности — один из вариантов лингвистического опредмечивания ядерной части «проблемы конца (современного человечества)», а именно: пара *постчеловечество* — *апокалипсис* опредмечивает ожидание/предчувствие «конца», *метанойя* отсылает к представлениям о вариантах его преодоления.

В секулярной гуманитаристике семантика сущ. *апокалипсис* и *постчеловечество* фундируется оппозицией «бытие — небытие», варианты снятия оппозиции ассоциируются с техническими возможностями конструирования индивидуального бессмертия в пределах земной жизни. Сакрально-религиозные смыслы сущ. *Апокалипсис* основываются на представлении о конце (старого) как начале (нового), этому представлению соответствует оппозиция «бытие — пакибытие (инобытие)».

Герменевтический «лингвистический ключ» к преодолению, к «снятию» оппозиции бытия и небытия, к осознанию единства «здесь/сейчас» и «там/в вечности» — в этимологической подсказке родства слов *конец* — *начало*, далее — в семантике сущ. *метанойя*, в «перемене ума», к осознанию «конца» (старого) как «начала» (нового).

Список литературы

1. Волков В. В. «Цифра», постчеловек и киборги: лингвистический и лингвоментальный аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 12 (446). С. 31—39. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11204.

2. Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 745—759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759.
3. Высоцкий В. С. Собрание сочинений: в 5 т. Тула: Тулица, 1997.
4. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
5. Имена на поверке / сост. Д. Ковалев. М.: Молодая гвардия, 1975. 304 с.
6. Карпунин В. А. Воля к бытию: Онтологический импульс. СПб.: Алетейя, 2004. 288 с.
7. Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2021. 312 с.
8. Кутырёв В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки. СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.
9. Кутырёв В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Человечество и Технос: философия коэволюции. СПб.: Алетейя, 2020. 260 с.
10. Новейший большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
11. Порядин И. А. Конец света как мечта, или синдром апокалипсиса // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (67). С. 93—100.
12. Прокопьева М. Ю., Семенов Е. В. Апокалипсис как конец «человеческого» // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 8. С. 91—94.
13. Розанов В. В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
14. Складаревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель, 2008. 447 с.
15. Сочинения Козьмы Пруткова. М.: Художественная литература, 1959. 398 с.
16. Тарковский А. А. Избранное. М.: Художественная литература, 1982. 736 с.
17. Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. СПб.: Алетейя, 2002. 677 с.
18. Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энциклопедия, 1967.
19. Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1996.
20. Хоружий С. С. Очерки синергийной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
21. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2001.
22. Щипков А. В. Цивилизационный расизм и возможность исторических исследований в рамках цивилизационного подхода // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 53—64. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-53-64.

Сведения об авторе

Волков Валерий Вячеславович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета, Тверь, Россия. volk7valery@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 40—47.*

POSTHUMANITY, APOCALYPSE, AND METANOIA: LINGUOMENTAL ENANTIOSEMY AND THE OPTIONS FOR A POSSIBLE FUTURE

V. V. Volkov

Tver State University, Tver, Russia. volk7valery@yandex.ru

The study aims to reconstruct enantiosemy meanings and implications of the lexemes “posthumanity”, “apocalypse”, and “metanoia”, which form an integrated lexical-semantic microfield representing sacred (Christian) and secular notions about the “end of the world”. The novelty of the research lies in the fact that this microfield is considered as part of the opposite semantic-discourse spheres from the standpoint of cognitive linguistics and philological hermeneutics. The findings indicate: 1) the secular lexeme “posthumanity” includes the prefix “post-”, which acts as a linguistic manifestation of “Nothing”, that is, it indicates the idea

of apocalypse as a completion of contemporary human race; 2) the sacral Christian lexeme “Apocalypse” is associated with a radical renewal, with a new mankind; 3) the lexeme “metanoia” in the secular meaning indicates the possibility of radical personal changes, and in the Christian discourse connects the development of personality with repentance and purification of the soul.

Keywords: *cognitive linguistics, philological hermeneutics, lexical-semantic field, posthumanity, apocalypse, metanoia, enantiosemy.*

References

1. Volkov V. V. (2020) *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 12 (446), pp. 31—39. [in Russ.]. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11204.
2. Volkov V. V. (2020) *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 11, no. 4, pp. 745—759. [in Russ.]. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759.
3. Vysotskii V. S. (1997) *Sobranie sochinenii v 5 t.* [Collected works in 5 vols]. Tula, Tulitsa [in Russ.].
4. Dvoretzkii I. Kh. (1958) *Drevnegrechesko-russkii slovar' v 2 t.* [Ancient Greek-Russian dictionary in 2 vols]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei [in Russ.].
5. Kovalev D. (1975) *Imena na poverke* [Names on roll call]. Moscow, Molodaia gvardiia. 304 p. [in Russ.].
6. Karpunin V. A. (2004) *Volia k bytiiu: Ontologicheskii impul's* [The will to being: an ontological impulse]. St. Petersburg, Aleteiia. 288 p. [in Russ.].
7. Kutyrev V. A. (2021) *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiia* [The last kissing. Human being as a tradition]. St. Petersburg, Aleteiia. 312 p. [in Russ.].
8. Kutyrev V. A. (2018) *Sova Minervy vyletaet v sumerki* [Minerva's owl flies out at dusk]. St. Petersburg, Aleteiia. 526 p. [in Russ.].
9. Kutyrev V. A., Sliusarev V. V., Khusiainov T. M. (2020) *Chelovechestvo i Tekhnos: filosofii ko-evoliutsii* [Humanity and Technos: the philosophy of coevolution]. St. Petersburg, Aleteiia. 260 p. [in Russ.].
10. Kuznetsov S. A. (ed.) (2008) *Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The latest large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint. 1536 p. [in Russ.].
11. Poriadin I. A. (2009) *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (67), pp. 93—100. [in Russ.].
12. Prokop'eva M. Iu., Semenov E. V. (2012) *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*, no. 8, pp. 91—94. [in Russ.].
13. Rozanov V. V. (1990) *Uedinennoe* [The secluded]. Moscow, Politizdat. 543 p. [in Russ.].
14. Skliarevskaia G. N. (2008) *Slovar' pravoslavnoi tserkovnoi kul'tury* [Dictionary of Orthodox church culture]. Moscow, Astrel'. 447 p. [in Russ.].
15. (1959) *Sochineniia Koz'my Prutkova* [Works by Kozma Prutkov]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 398 p. [in Russ.].
16. Tarkovskii A. A. (1982) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 736 p. [in Russ.].
17. Tul'chinskii G. L. (2002) *Postchelovecheskaia personologiiia* [Posthuman personology]. St. Petersburg, Aleteiia. 677 p. [in Russ.].
18. (1967) *Filosofskaia entsiklopediia v 5 t.* [Philosophical Encyclopedia in 5 vols]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. [in Russ.].
19. Florenskii P. A. (1996) *Sochineniia v 4 t.* [Works in 4 vols]. Moscow, Mysl'. [in Russ.].
20. Khoruzhii S. S. (2005) *Ocherki sinergiinoi antropologii* [Studies in synergetic anthropology]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ. 408 p. [in Russ.].
21. Chernykh P. Ia. (2001) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language in 2 vols]. Moscow, Russkii iazyk, [in Russ.].
22. Shchipkov A. V. (2021) *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 53—64 [in Russ.]. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-53-64.